

«ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА»: КОНЦЕПТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

А. Г. Гаврилова, М. А. Шурыгина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2023 г.

Аннотация: данное исследование преследует своей целью осветить идею сверхчеловеческого, которая плотно закрепилась в ницшеанском контексте, с обращением к экзистенциалистским интуициям. Специфика бытия сверхчеловека отмечена бесконечным преодолением себя, благодаря чему мы видим открывающуюся способность выходить за рамки заданного мира с целью создания своей собственной системы, в сфере которой сверхчеловек конструирует себя. Однако, как выясняется, этот процесс сопровождается осознанием трагедийности своего существования, которое стало следствием его выбора; и путь, на который встает сверхчеловек, не может быть рассмотрен вне акта волеия и решимости, которая превозносит его над самим собой и заставляет встретиться с истиной, несущей с собой разрушение, в катарсисе которого сверхчеловек открывает для себя силу витальности.

Ключевые слова: сверхчеловек, трансцендирование, свобода, воля к власти, процессуальность, вечное возвращение.

Abstract: the purpose of this analyses is to consider the idea of superhuman from the Nietzsche's context with reference to existentialists' concepts. The specific being of the superhuman is characterized by endless attempts to exceed himself, because of this we can see perspective abilities to go beyond the limits of the world, where a man creates his own system and himself as well. However, this process is accompanied with understanding of his tragic existence, it became the result of his choice. The way the superhuman chooses cannot be considered without the act of will and resolution. All that exalts himself and makes him meet the truth which brings destruction. It causes the catharsis that opens the power of vitality. superhuman, transcending, freedom, revolt, will to power, process, eternal return.

Key words: superhuman, transcending, freedom, revolt, will to power, process, eternal return.

Идея сверхличности проходит красной нитью через всю историю человечества, и находит свое воплощение во многих философских концепциях XX–XXI вв. Тема сверхчеловека становится, пожалуй, одной из самых популярных в философско-антропологических дискуссиях, появляется необходимость в новой антропологической теории, которая бы отражала идею возвышения человека над самим собой и избавление от хаоса, в котором утонул XX век. Идея сверхчеловеческого имманентна человеческому бытию, в ней содержится рефлексия о преодолении человеческой природы, как некой ступени на пути к идеалу и обретению свободы, что указывает на актуальность данного исследования, и заставляет нас вновь обращаться к размышлению о совершенстве личности. Мы намерены рассмотреть идею сверхчеловека не только в ницшеанском контексте, но и в рамках философии экзистенциализма, так как данное философское течение переосмысливает творчество Ф. Ницше в новых социальных условиях. Человеческое существование в XX в. предстало в абсурдной,

бессмысленной форме, что, собственно, и заставило вступить мыслителей в дискуссию с ницшеанским *Übermensch*.

Прежде чем перейти к анализу концепта сверхчеловека, необходимо обратиться к истокам возникновения самой идеи сверхличности. Особый интерес для нас представляют мифы Древней Греции, в которых идея сверхчеловеческого оказывается максимально экзистенциально нагруженной. Античный герой – титан, полубог вступает в схватку с забвением и преодолевает его через сверхусилие. В основе его героического акта скрываются экзистенциальные переживания; в данном случае, ужас, испытываемый перед небытием, вырывает человека из объектного мира и направляет его с помощью трансцендирования к транссубъективному – к «бытию для себя». Однако рок, довлеющий над героем, предстает перед ним как сверхличностная сила, некий предел бытия. Безусловно, так и есть, но в подобной ситуации сталкиваются понятия свобода и судьба. Античный героизм не исключает свободы, потому что свобода действия подразумевает факт предопределения этой свободы самой судьбой: «Античный героизм представляет

собою тот замечательный тип героизма, который не только не исключает учения о судьбе, но как раз его предполагает» [1, с. 66].

Герой посредством трансцендирования стремится обрести качественно новую сущность, иными словами он избавляется от человеческого, чтобы прийти к сверхчеловеческому (подобные интуиции мы находим и у Ф. Ницше). Именно поэтому в древних мифах героическое не несет в себе какой-либо этической коннотации: ««герой» здесь – это совсем не обязательно «хороший человек». Скорее, наоборот, с точки зрения обыденного сознания он чудовище» [2, с. 94].

Мы можем заключить, что сущность героического заключается в попытке преодолеть какую-либо детерминацию и искоренить «человеческое»: «Поэтому правильнее всего определить такого героя именно как существо, в котором «человеческое» систематически преодолевается и искореняется; существо, которое порывает с обыденным в его тотальности и последовательно разрушает его» [2, с. 94].

В данном контексте свобода проявляется в преодолении какой-либо детерминации и выступает в роли векторного начала для трансцендирования, что и является непосредственным выходом к обновленной сущности его сверхчеловеческой природы. Однако Ницше был не первым философом, который поставил проблему преодоления себя с целью обретения истинной свободы: за полвека до ницшеанского сверхчеловека появляется Единственный Макса Штирнера.

В своем произведении М. Штирнер «Единственный и его собственность» дает новую интерпретацию гегелевского духа: «Дух – первое самонахождение, первое обезбоживание божественного, то есть страшного, волшебного, «высших сил». Наше молодое самосознание ни перед чем не преклоняется: мир обесславлен, ибо мы – над ним, мы – дух» [3, с. 90]. Философ критикует Л. Фейербаха за то, что тот заменил идею Бога на идею Человека, т.е. на смену «трансцендентному» и личностному Богу приходит «имманентный» и безличный бог. Согласно М. Штирнеру, только индивидуальное «Я» эмпирически даного человека должно стать главным условием бытия. Он утверждает, что человек будет свободен только в том случае, когда он освободится от Бога: «Человек свободен, когда человек человеку – высшее существо» [3, с. 90].

Для философа божественное – это дело Бога, человеческое – дело человека, а «мое» же дело ни относится ни к божественному, ни к человеческому. Это не дело истины или добра, а исключительно «мое», единственное, так же, как и Я сам – единственный. Поэтому Штирнер называет абстракцией какую-либо надчеловеческую сущность, которая мешает индивиду в полной мере осознать свою силу, скрытую

в глубинах его духа. Поскольку личность является единственной ценностью, то все иные ценности не существуют в действительности, они все навязаны обществом или религией. Макс Штирнер пишет: «У врат нового мира стоит богочеловек» [3, с. 97]. Божественное вне человека должно быть уничтожено, так как человеческий дух сам выступает в роли некоего псевдобожества. Философия «ницшеанца сороковых годов» показывает, что человек может быть подвластен иллюзиям, и из-за этого происходит отчуждение от своей самости и отрицание своей уникальности.

Эпоха «чистого эгоизма», по мнению Штирнера, наступит лишь тогда, когда субъект осознает свою исключительность и освободится от идеализма, который довлеет над ним в моральном, общественном и политическом аспектах. Так, Макс Штирнер формирует принцип: «Для меня нет ничего выше меня». Подобная установка отражает самообожествление и приводит к отрицанию общественной и религиозной морали. Подобные идеи мы встречаем и в философии Ф. Ницше, однако говорить о прямом заимствовании идей Штирнера было бы неправильно, так как Ницше мог и не читать произведения своего предшественника. Однако уже в философии Макса Штирнера мы обнаруживаем самовывоз и реализацию человеческого потенциала вне традиционной парадигмы. Единственный разрушает, преобразует себя до основания и обнажает свое «Я» в процессе поиска места в мире. Человек должен вновь обрести полноту своего бытия, которая была некогда утрачена им. На пути к Единственному он реализует весь свой скрытый творческий потенциал и раскрывает глубины своего «Эго». Человек становится собственником и хозяином своего бытия. Единственный предельно конкретен, индивидуален и единичен в процессе своего самораскрытия.

Для Штирнера Единственный приобретает статус творческого революционера, способного преобразовать окружающую его действительность, в соответствии с его потребностями и выстроенным им лично проектом. Философ утверждает, что, когда субъект осознает себя Единственным, то становится собственником своей мощи. В Единственном собственник обретает вновь свое творческое ничто, из которого он когда-то вышел. Надчеловеческая сущность лишает той силы и мощи, которыми обладает его личность. Единственный строит свое дело, исходя из своего личного проекта, его проект – это он сам, тот самый Единственный, к которому *должно* стремиться субъекту. Стоит отметить, что эту замкнутость на самом себе не корректно рассматривать с позиции солипсизма. Единственный не отрицает объективность окружающего его мира, он просто не интересуется им. Штирнер утверждает, что благополучие общества и свобода формируются из благополучия и свободы

каждого отдельного субъекта. Когда человек достигает зрелого возраста, то он понимает, что все вещи и явления напрямую зависят от его индивидуального «Я»: «Лишь тогда, когда человек полюбит себя во плоти, таким, каков он есть – а это наступает только в зрелом возрасте, – у него является личный, или эгоистический, интерес, то есть интерес к удовлетворению не только духа, но и всего человека, своеобразный интерес» [3, с. 10]. Революция Единственного заключается в разрыве с привычными и устоявшимися социальными нормами. Все, с чем он сталкивается, преобразует в интересах своего «Я», его действие – это отказ, от того, что изначально дано. Для Единственного цель заключена в нем самом, его цель он сам и его «самоудовлетворение». Однако сверхчеловека Ницше меньше всего волнует его удовольствие. Преодоление слабого человека внутри себя сопровождается страданием. Но в потоке этой процессуальности он находит удовольствие, подобно Сизифу А. Камю, который преисполняется радостью, когда опознает и признает бессмысленность своего труда, однако, именно это восхождение к вершине наполняет его жизнь смыслом.

Апелляция к идее сверхчеловека Ф. Ницше заставляет нас повернуть свой взор на особую экзистенциальную реальность, в которой пребывает сверхчеловек, потому как его посыл экзистенции вверяет ему право на то, чтобы выходить за рамки заданного мира и выстраивать свою модель ценностных ориентиров, в которых этот экзистирующий и трансцендирующий субъект начинает по-новому существовать. Мотивационным побуждением к этому акту трансцендирования выступает свобода, с помощью которой он находит в себе силы выйти в сверхреальность, бытийствуя над миром и всем человеческим. Нигилистическая установка традиционной парадигмы Ф. Ницше может быть рассмотрена через свободу как ничто в понимании французского экзистенциалиста Ж.-П. Сартра: такая свобода является априорным базисом для негации (отрицания) мира вещности. Сознание сверхчеловека может быть определено как «бытие-для-себя», которое избегает данности непроницаемого мира, чтобы утвердиться в своем собственном бытии и оповестить о самом себе как о своем новом становлении через упомянутую негацию. Человек, в первую очередь, действует как экзистирующее существо, но выход в эту нигилистическую пустотность через свободу не является чем-то бессодержательным; как раз в том, чтобы утвердить заново выстроенное «бытие-для-себя» и состоит момент выхода в сверхчеловеческое, потому как это «ничто», представленное свободой и толкает человека на то, чтобы утвердить свою инициацию, которая выводит его в новое качество. Отсылкой на Ж.-П. Сартра мы пытаемся показать, что человек, как и отмечал сам Сартр, есть

проект бытия. Он не есть то, что он есть, и есть то, что он не есть, и сверхчеловек, в нашем случае, является тем субъектом, который способен выстроить свой собственный проект: «Свобода и есть человеческое бытие, ставящее свое прошлое вне действия, выделяя свое собственно ничто» [4, с. 108]. Однако важно понимать, что поворотный момент в становлении сверхчеловеческого кроется именно в трансцендировании через это «ничто»; и выходя за границы, человек бежит из этого мира, чтобы поставить вопрос о первенстве своего существования. Он освобождает себя от наличного благодаря тому, что он и есть ничто – свобода, выталкивающая его из общепринятой системы морали, именно поэтому сверхчеловек существует «по ту сторону добра и зла».

Сама идея сверхчеловека Ф. Ницше представляет собой уникальный концептуальный конструкт, репрезентирующий трансгрессивный модус бытия как «преодоление непреодолимого предела» (М. Бланшо), который можно интерпретировать как шаг в сторону вечного преодоления себя. Проявление сверхчеловеческого всегда сопровождается диалогом с самим собой, при котором сам сверхчеловек учреждает себя как вновь воссоздаваемое существование, заполняющее собой предшествующие ограничения, наличествующие в виде системы морально-ориентированных представлений, сформированных миром (обществом). Данное стремление преодолеть матрицу установленных отношений обусловлено у сверхчеловека Ф. Ницше, как ни странно, первичным бунтом, направленным на самого себя, что в дальнейшем выливается в бунт против норм общества. Сам бунт необходимо понимать на метафизическом уровне, так как «метафизический бунт – это движение, благодаря которому человек восстаёт против своего положения и против творения как такового» [5, с. 30]. Отрицая смерть, сверхчеловек отказывается признавать какую-либо детерминацию. Бунтующее начало, как мы выяснили, существовало и в античности, которое впоследствии нашло свое выражение в философии Ф. Ницше, однако здесь есть существенные различия. Греки, принимая судьбу, прежде всего, были убеждены в том, что они являются частью природы. А. Камю в своем произведении «Бунтующий человек» проливает свет на проблему бунта у греков. Безусловно, грек помышлял о бунте, но восстание против природы сравни восстанию против самого себя, иными словами герой в античности, преодолевая детерминацию, должен был прийти к самоубийству. Бунт грека заключался не в восстании против творения так такового, а лишь против божества (конфликт Прометей и Зевса, Одиссея и Посейдона): «Метафизический бунт древнего грека не нарушал космического порядка и меры, не разделял мир богов и мир людей, вернее, для него существовала лестница, которая вела к

сфере божественного. Грекам было чуждо противопоставление невинности и вины, и они не смотрели на исторический процесс как на борьбу добра и зла» [6, с. 91]. На наш взгляд, сам героический акт имманентно содержит себе бунт, который в свою очередь заключается в противопоставлении себя Другому. Бунт же сверхчеловека, как мы отметили ранее, направлен в первую очередь на самого себя: «Надо, чтобы ты сжег себя в своем собственном пламени: как же мог бы ты обновиться, не сделавшись сперва пеплом» [7, с. 64].

Подводя промежуточные итоги, мы можем заключить, что *Übermensch* – это человек, который отказался от всех метафизических оснований и благодаря стремлению к могуществу стал источником формирования новой морали. Он Единственный (М. Штирнер), уникальный как с аксиологической точки зрения, так и с антропологической. Созидание новых ценностей, в первую очередь, распространяется на него самого – сверхчеловек творит их для себя, будучи преисполненным культуросозидательной энергией. Следуя за мыслью Ницше и Камю, мы приходим к выводу, что сверхчеловек отказывается от Абсолюта и стремится заменить его. Однако отрицание Бога происходит через отказ от бунта, в том числе и бунта, который порождает богов, призванных исправить мир. Абсурдный человек, ницшеанская сверхличность, Единственный выступают против устаревшей христианской морали. Философы утверждают, что человек обретет полную свободу лишь тогда, когда признает ценностью самого себя, а не Абсолют. Вместо Бога приходит новый человек, обновленный с аксиологической стороны, являясь совершенно новым этапом эволюции человеческого существа. Сверхчеловек не связан ни с какими-либо метафизическими основаниями, его борьба направлена на преодоление в самом себе слабого человека. Появляются сверхцели, на пути к которым реализуется весь творческий и физический потенциал. Европейская философская мысль утверждала, что личность не нуждается в надчеловеческой сущности, ведь в ее духе заключается та сила, которую религия присваивает Богу. Однако ницшеанский сверхчеловек в отличие от Единственного полностью отказывается от божественной сущности, как вне личности, так и заключенной в ней самой, Он ставит своего сверхчеловека вне какой-либо иерархии. Сверхчеловек не определен представлениям о добре и зле, ему под силу сформировать свою собственную систему ценностей, в которой он сам будет выступать источником морали.

Единственный Макса Штирнера, сверхчеловек Ф. Ницше и герой-бунтарь Камю имеют общую систему ценностей. Их герои стремятся эмансипироваться от Бога, чтобы обрести истинную свободу. Соглас-

но Максу Штирнеру объективным существованием обладает только Единственный, а такие понятие как «бог», «мораль», «ценность» не должны претендовать на абсолютность. Подобные «абсолюты» выступают в качестве некоего помешательства или иллюзии. Согласно Штирнеру, Единственный не должен слепо служить кому-либо, так как при этом он должен будет отречься от самого себя. Единственный и сверхчеловек критикуют «человеческое», однако Единственный находит в «человеческом» силу духа. Дух является чем-то вроде божества, которое сильнее всех других богов. Для Единственного на первое место выходит его личная человечность – это его собственность. Сам же он не стремится подстраиваться под понятие «человеческого», которое принято в обществе. Сизиф у Камю отрицает богов и «поднимает обломки скал» [5, с. 446]. Он существует во Вселенной, в которой нет творца-хозяина и этот новый мир не кажется ему ничемным. Герой Камю ограничен рамками бессмысленного труда, но он находит способ вырваться из этой разрушающей рутины и обретает истинную свободу: «Одного восхождения к вершине достаточно, чтобы наполнить до краев сердце человека. Надо представить себе Сизифа счастливым» [5, с. 446].

Ф. Ницше предлагает человеку саморазрушиться в космосе и стать новым *Dionysus*. Стоит заметить, что Ницше является реформатором в области сверхчеловеческого, потому как в мифологическом мире герой не смог эмансипироваться от божества, но это было и не было его целью; с приходом Ницше такое понимание претерпевает кардинальные изменения, потому как необходимость в поиске Абсолюта отпадает – мир уже не отвечает запросам предшествующей эпохи, что заставляет человека исходить из такой претензии к смыслу, которая коренится в нем самом. Мир, покинутый Богом, становится площадкой абсурда, именно поэтому идея о смерти Бога Ницше оказывается актуальной для А. Камю, который говорит о бунте как о способе справиться с абсурдностью окружающей действительности. Эти интуиции мы находим, анализируя феномен сверхчеловеческого, потому как бунт является следствием экзистенциальных переживаний, которые с необходимостью претерпевает человек, чтобы возвыситься над самим собой и миром. Сверхчеловек, встречаясь с абсурдом, обладает самоотверженным влечением к тому, чтобы возвестить о вновь найденном смысле, который был утрачен в этой действительности десакрализованного; и этот смысл конструируется им самим, рождаясь посредством бунтующей диалогичности, которая является следствием его осознания неисправной трагичности бытия. Жить, зная о смерти, уже значит бунтовать, так и сверхчеловек, утверждаясь в своей свободе творить новые ценности, стоит перед непреодолимой фактичностью смерти, которая всег-

да находится у него за спиной (А. Камю). Что касается бунта Ф. Ницше, то он связан с восхвалением зла. Зло для философа – это одна из граней добра или рока. Сверхчеловек должен принять его и подняться над злом на несколько ступеней выше. Ф. Ницше желал, чтобы герой эпохи, Сверхчеловек, склонился перед вечностью и растворился, самоуничтожившись в цикле времени.

Как мы отметили ранее, в основе подвига античного героя и Сверхчеловека лежат их экзистенциальные переживания. Желание преодолеть собственную конечность выводит героя мифов и сверхчеловека из системы «слишком человеческих представлений», в основе которых лежат ценности, политические и социальные установки. Так осуществляются конструирование и присваивание своей сущности через преодоление, искоренение в самом себе человеческого, и завершением этой инициации становится приобретение качественно нового статуса, отсылающего нас к сфере сверхчеловеческого – к сверхбытию, что само собой выводит сверхчеловека из дуальной картины «добра и зла», и он, соответственно уже оказывается «по ту сторону». Превращения духа, о которых пишет Ницше, отсылают к готовности на обретение качественно новой сущности, что ведет за собой размежевание старых ценностей и создание новых, учреждаемых самим сверхчеловеком: «Перемена ценностей – это перемена созидающих. Постоянно уничтожает тот, кто должен быть созидателем» [7, с. 59]. Человек, по мысли немецкого философа, есть то, что *должно* превзойти, именно поэтому мы говорим о неустанном преодолении человеком самого себя; этот процесс носит волюнтаристский характер, порывающий со всем человеческим и открывающий витальность сверхчеловеческого во всей полноте, которое сопряжено с дионисическим началом в акте трансцендирования. Сверхличность, существующая «по ту сторону добра и зла», открывает для себя горизонт сверхреальности, которая заставляет ее находиться на острие трагедийности, манифестирующей ее нахождение между жизнью и смертью: «... пусть от его действий гибнут всякий закон, всякий естественный порядок и даже нравственный мир – этими самыми действиями очерчивается более высокий магический круг влияний, создающих на развалинах сокрушенного старого мира мир новый» [8, с. 72].

Повествуя о дионисическом проявлении в человеке, Ницше апологетирует сверхчеловеческое в контексте рассмотрения этой силы, имманентно присутствующей в самом существе человека, который, как следствие, взламывает привычную систему, и преисполняясь в своем могуществе путем приобщения к дионисическому началу, начинает создавать особый «магический круг», который является продуктом сверхчеловеческого предпринятого усилия,

проявленного через инфернальное торжество витальности, живущей в самом человеке. Эта грань открывается благодаря той витальной силе дионисического начала, которое в своем хтоническом амплуа встречается с *Wille zur Macht* (волей к власти), выводя сверхчеловека в такое пространство, где сверхчеловеческое уже становится актуализированным посредством разрушения устоявшихся и закрепленных норм в стремлении построить новую реальность. Экспликация его сверхбытия осуществляется через «воление», посредством своей имманентной мощи сверхчеловек выходит за пределы классических представлений о добре и зле. *Wille zur Macht* – это хотение или желание к силе или могуществу. Хотение не является одномоментным, это перманентный процесс, сопоставимый с потоком жизни, в который сверхчеловек погружается с целью раскрытия подлинности своего бытия.

Однако необходимо более детально проанализировать термин «воление», так как, на наш взгляд, сам этот процесс не ограничивается лишь одним желанием или устремленностью к чему-то. Подобные интуиции мы обнаруживаем у М. Хайдеггера, который анализирует ницшеанскую «волю к власти». В классическом понимании воление понимается как устремленность к чему-то (*hinzu*), обращенность на что-либо (*auf etwas los*), иными словами, воление – это действие, которое несет в себе направленность на что-либо. Но когда мы обращаем свой взор на вещь или становимся наблюдателями процесса, то совершаем действие, в котором также есть направленность. Мы обращены на эту вещь, но в этом акте нет воления. Созерцая вещь, человек не устремлен к ней или от нее. По мнению Хайдеггера, наша направленность не связана напрямую с волением: «Быть на что-то направленным еще не значит волить, и все же в волении сокрыта такая направленность. Мы можем “волить” какую-либо вещь, например, книгу или мотоцикл. Юноша проявляет “воление” по отношению к какой-либо вещи, то есть ему хотелось бы ее иметь» [9, с. 41].

Хайдеггер не связывает воление с желанием, для него воление как таковое подразумевает подчинение *себя* своему приказанию, т. е. это некое самоповеление, которое имманентно содержит исполнение. Философ утверждает, что воление волит волящего, оно есть решимость и направленность на себя, «но на себя как на то, что в волении волит волимое, полагаемое как таковое» [9, с. 43]. Также философ отмечает, что Ницше не говорит о некоем предписании или же указании, наоборот, волевой акт есть решение: имеется в виду сама решимость. Благодаря этой решительности воление в своем полагании распространяется на волимое и самого волящего. Хайдеггер утверждает, что выходящая за собственные пределы

решительность воления содержит господство и властительство (*das Mächtigtsein*) над тем, что проявляется в волении и удерживается в нем. Мыслитель заключает, что воление – это вырывающееся за пределы властительство, это есть «господства над» или воля в себе – власть, а сама власть – непрерывное воление.

Исследуя волю к власти в философии Ницше, Хайдеггер обнаруживает связь воления и аффекта. Он утверждает, что для Ницше воление – это воление за свои пределы, «в ракурсе вне себя бытия в аффекте (*Über-sich – hinaus – sein – im-Affekt*), он может сказать: воля к власти есть изначальная форма аффекта» [9, с. 48]. Хайдеггер также уточняет, что аффект в данном контексте не связывается с определенным психологическим состоянием. Здесь не идет речь о гневе или ненависти, так как, например, гнев, связан с не-волей, в гневе мы теряем себя. Возможно, стоит предположить, что для Ницше аффект – это воля, но она представляется нам как некое возбуждение, «ис-ступление из себя».

В заключении своих рассуждений Хайдеггер подводит нас к тому, что воля вбирает в себя несколько дефиниций: воля как вырывающееся за собственные пределы господство, воля как аффект (в том смысле, что воля – это некое возбуждение или напор), воля как повеление. Также сюда мы отнесем «классические» определения воли: воля есть страсть и воля как чувство. Сущность власти заключается в сопровождении воли, сама же воля к власти – это сущность власти. Воление напрямую связано с желанием стать господином и отдавать приказы. Властная воля – это приказание самому себе, сознательное преодоление самого себя. Господин со знанием дела оценивает и распоряжается своим потенциалом, для него первично приказание, нежели подчинение: если он не в состоянии внимать самому себе, то некто начнет отдавать ему приказания. Сама воля стремится волиять саму себя и подчинить, эта устремленность приводит к бесконечному «преодолению своего предела». Иными словами, стать сильным возможно при условии, если происходит бесконечное прибавление власти, ее умножение, и сама эта власть будет оставаться властью пока непрерывно возрастает. Подобная интуиция вновь возвращает нас к идее процессуальности, в которой пребывает сверхчеловек, неустанно преодолевая себя. Без нее сверхчеловек утрачивает свое бытие, иными словами, если апеллировать к философии М. Хайдеггера, мы приходим к выводу, что отнятие бытийной недостижимости означает уничтожение *Dasein* бытия. Такая недостижимость в определенном смысле обуславливает бытие сверхчеловека, выводя нас за границы того, что может быть презентным в своей завершенности – недостижимый предел бытия, которого по сути нет, выступает в ка-

честве смыслообразующей доминанты существования, что выводит нас к экспонированию истинного пребывания в *Dasein* и отправляет вновь к решимости воления: ведь для того, чтобы столкнуться с истинным бытием, нам необходима решимость, дабы выстоять в просвете бытия, на которое, собственно, и решает-ся сверхчеловек.

Таким образом, *Wille zur Macht* представляется ключевым мотивом сверхчеловеческого, потому как именно он дает сверхчеловеку радостный прилив сил и волю к могуществу, которая связывает нас с жизнью. Воля к власти препоручает сверхчеловеку способность в постулировании новых ценностей, что приводит нас к неустанной процессуальности, о которой говорилось чуть ранее: для сверхчеловека это имманентная необходимость, толкающая его на возобновляемый процесс преодоления себя, что может быть помыслено в контексте вечного возвращения. Вечное возвращение у Ницше не есть повтор коррозированного и изжитого бытия; оно является неким архитектурным принципом бытия сверхчеловека, потому как это вечное возвращение всегда возвращает сверхчеловека к точке схода его «человеческого» и воления, сподвигающего его на форсирование своей экзистенции, что и провоцирует трансцендирование, которое никогда не бывает разовым, так как сверхчеловек – это тот, кто вынужден всегда обращаться к самому себе и возвращаться на этот круг преодоления своей самости, которая никогда не бывает завершена как некий проект. Вечное возвращение не есть циклизм, который отбрасывает нас в пункт отправления; посредством этого возвращения возвращается сама жизнь, а не предметность того, что бытийствовало в прошлом, первая же трансцендирует свои собственные границы, обновляя всё пространство действительного, в которое включается сверхчеловек, возлагая на себя ношу вечного возвращения в обновлении, который сам в себе сталкивается с самой жизнью и как итог взламывает границы норм, выстраивая свою собственную модель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики : итоги тысячелетнего развития / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1994. – Кн. 2. – 604 с.
2. Цуркан А. А. Основания героического : Александр и Эдип / А. А. Цуркан // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 2, Философия. – 2011. – № 2. – С. 94–103.
3. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – СПб. : Изд-во С. Венгерова, 1907. – 235 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. – М. : АСТ, 2020. – 1072 с.
5. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе / А. Камю. – М. : АСТ, 2021. – 448 с.
6. Костюк А. А. Героическое как экзистенциальный феномен / А. А. Костюк, М. А. Шурыгина // Вестник

Воронеж. гос. ун-та. Сер. 3, Философия. – 2022. – № 3. – С. 89–97.

7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – СПб. : Азбука, 2020. – 544 с.

*Воронежский государственный университет
Гаврилова А. Г., студентка кафедры онтологии и
теории познания*

E-mail: anastasis.gavrilova@yandex.ru

*Шурыгина М. А., студентка кафедры онтологии и
теории познания*

E-mail: mariyashur2012@icloud.com

8. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. – М. : Академ. проект, 2020. – 166 с.

9. Хайдеггер М. Ницше / М. Хайдеггер // Соч. : в 2 т. – СПб. : Владимир Даль, 2006. – Т. 1. – 608 с.

*Voronezh State University
Gavrilova A. G., Student of the Ontology and Epistemology Department*

E-mail: anastasis.gavrilova@yandex.ru

Shurygina M. A., Student of the Ontology and Epistemology Department

E-mail: mariyashur2012@icloud.com